

А. Ю. Минаков

ВОРОНЕЖСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ,
ВОРОНЕЖ, РОССИЯ

Русский консерватизм в первой четверти XIX века

Аннотация. В статье рассматриваются особенности русского консерватизма в период его возникновения в первой четверти XIX века. Специфика русского консерватизма была обусловлена тем, что он первоначально представлял собой реакцию на радикальную вестернизацию, проявлениями и главными символами которой в XVIII – начале XIX в. стали реформы Петра I, крайний (по тем временам) либерализм Александра I, вызвавший противодействие со стороны консервативно настроенного дворянства; в особенности проект конституционных преобразований, связанный с именем М. М. Сперанского; западничество в форме галломании русского дворянства; наполеоновская агрессия против Российской империи, Тильзитский мир 1807 г. и Отечественная война 1812 г., а также попытка создания так называемого общехристианского государства в духе деклараций Священного союза, фактически лишавшая Православную Церковь статуса господствующей (с 1817 по 1824 г.). Эти явления и события небезосновательно воспринимались русскими консерваторами как угроза, ведущая к разрушению всех коренных устоев традиционного общества: самодержавной власти, Православной Церкви и религии, русского языка, национальных традиций, сословных перегородок, патриархального быта и т. д. Беспрецедентность вызова порождала ответную консервативную реакцию, призванную защитить основополагающие традиционные ценности. В результате конфликтов с представителями русского либерального западничества были сформулированы основные аксиомы нарождавшегося русского

консерватизма: недопустимость подражательства революционным и либеральным западноевропейским образцам, необходимость опоры на собственные традиции (языковые, религиозные, политические, культурные, бытовые), патриотизм, включающий культивирование национального чувства и преданность самодержавной монархии. Консерваторы заблокировали конституционный проект М. М. Сперанского, сыграли в качестве идеологов и военно-государственных деятелей огромную роль в событиях 1812–1814 гг., оказали существенное влияние на становление системы университетского образования, а в 1824 г. добились отказа от экуменического эксперимента, фактически лишавшего Православную Церковь статуса господствующей. В ходе борьбы «православной оппозиции» против западноевропейского мистицизма и масонства система православных ценностей оказала существенное воздействие на формирование русского консерватизма. Наибольшую роль в становлении и развитии русского консерватизма в первой четверти XIX в. сыграли такие его деятели, как А. С. Шишков, Ф. В. Ростопчин, великая княгиня Екатерина Павловна, А. А. Аракчеев, М. Л. Магницкий, А. С. Стурдза и архимандрит Фотий (Спасский). Центральной фигурой русского консерватизма является Н. М. Карамзин.

Ключевые слова: русский консерватизм, галломания, национализм, роль консерваторов в событиях 1812–1814 гг., борьба «православной оппозиции» против мистицизма и масонства.

Для цитирования: Минаков А. Ю. Русский консерватизм в первой четверти XIX века. – Ортодоксия. – 2021. – № 3. – С. 14–41. DOI: 10.53822/2712-9276-2021-3-14-41

Русский консерватизм в первой четверти XIX в. был явлением, во многом родственным западноевропейскому консерватизму, поскольку первые русские консерваторы разделяли основные ценности, характерные и для их западноевропейских единомышленников, которые отстаивали христианскую традицию, неравенство как естественное состояние общества, иерархию, культурную самобытность в противовес революционной программе Просвещения. В то же время идейное влияние западноевропейских мыслителей-консерваторов на их русских единомышленников было сравнительно невелико, возникновение русского консерватизма проходило параллельно с западноевропейским, под воздействием сходных факторов.

Первоначально консерватизм возник в Западной Европе в конце XVIII в. в виде реакции на философию рационализма и индивидуализма Нового времени, теорию Прогресса, эксцессы Великой Французской революции как идейное течение, ставящее своей целью актуализацию позитивных традиций и ценностей прошлого. Важнейшей ценностью для консерватизма являлся культ трансцендентного начала, религии, которая, согласно воззрениям консерваторов, придавала смысл истории и жизни отдельной человеческой личности. Для него были характерны признание приоритета монархического принципа правления, признание естественного неравенства людей и необходимости общественной иерархии. Консерватизму также были присущи культ мощного государства, церкви, армии, семьи, т. е. тех общественных институтов, которые выступали основными проводниками и хранителями традиции. Консерваторы, как правило, выступали поборниками нравственных принципов, патриотизма и защитниками традиционной культуры.

Консерватизм при этом противостоял идеологиям, в основе которых лежали ценности прямо противоположного порядка: атеизм, материалистическая ориентация политики, моральный релятивизм, рационализм, космополитизм, приоритет интересов индивида над интересами государства, равенство, приверженность теоретическим моделям, культ личных прав и свобод, радикальных реформ и революций¹.

Специфика русского консерватизма была обусловлена тем, что он первоначально представлял собой реакцию на радикальную вестернизацию, проявлениями и главными символами которой в XVIII — начале XIX в. стали реформы Петра I, крайний (по тем временам) либерализм Александра I, вызвавший противодействие со стороны консервативно настроенного дворянства; в особенности проект конституционных преобразований, связанный с именем М. М. Сперанского; галломания (историческая разновидность русского западничества, предполагающая заимствование французских политических, идеологических, культурных и пр. моделей) русского дворянства; наполеоновская агрессия против Российской импе-

¹ О русском консерватизме см.: Гусев В. А. Русский консерватизм: основные направления и этапы развития. Тверь : Тверской государственный университет, 2001; Минаков А. Ю., Репников А. В., Чернавский М. Ю. Консерватизм // Общественная мысль России XVIII — начала XX века : энцикл. М., 2005. С. 217–220; Русский консерватизм середины XVIII — начала XX века : энцикл. /под ред. В. В. Шелохаева. М. : РОССПЭН, 2010; Репников А. В. Консервативные модели российской государственности. М. : РОССПЭН, 2014; Шириянц А. А. «Консерватор»: слово и смыслы в русской социально-политической мысли // Вестник Московского университета. Сер. 12: Политические науки. 2015. № 6. С. 112–124; Минаков А. Ю. История русского консерватизма XIX–XXI вв. Воронеж : Издательский дом ВГУ, 2020.

рии, Тильзитский мир 1807 г., Отечественная война 1812 г., а также попытка создания так называемого общехристианского государства в духе деклараций Священного союза, фактически лишавшая Православную Церковь статуса государственной (с 1817 по 1824 г.). Эти явления и события небезосновательно интерпретировались русскими консерваторами как угроза, ведущая к разрушению всех коренных устоев традиционного общества: самодержавной власти, Православной Церкви и религии, русского языка, национальных традиций, сословных перегородок, патриархального быта и т. д. Процессы модернизации, разрушающие самые основы существования и деятельности базовых общественных институтов и установлений традиционного социума, носили всеобъемлющий характер. Беспрецедентность вызова порождала ответную консервативную реакцию, призванную защитить основополагающие традиционные ценности (Минаков 2011: 59–61).

Одним из условий возникновения русского консерватизма была европеизация части российской элиты, получившей интеллектуальное и нравственное развитие в масонских ложах (членами масонских лож некоторое время были Н. М. Карамзин, А. С. Шишков, Ф. В. Ростопчин, М. Л. Магницкий) и западноевропейских университетах (образование в них в той или иной мере получили Н. М. Карамзин, Ф. В. Ростопчин, А. С. Стурдза), впитавшей и критически переосмыслившей идеи Просвещения, хорошо знакомой с работами ведущих идеологов того времени: Вольтера, Монтескье, Ж.-Ж. Руссо, И. Г. Гердера и др. Следует отметить также непосредственное влияние на возникновение русского консерватизма со стороны французских роялистов-католиков, прежде всего, Ж. де Местра². Без наличия этого тонкого слоя европейски-образованной элиты возникновение русского консерватизма было бы невозможно или же проходило бы в других формах.

Наибольшую роль в первые десятилетия XIX в. в складывающемся консервативном течении играли такие фигуры, как Г. Р. Державин, А. С. Шишков, Ф. В. Ростопчин, Н. М. Карамзин, С. Н. Глинка, великая княгиня Екатерина Павловна, А. А. Аракчеев, М. Л. Магницкий, А. С. Стурдза, Д. П. Рунич, митрополиты Иннокентий (Смирнов) и Серафим (Глаголевский), архимандрит Фотий (Спаский). Основными идейными и политическими центрами раннего русского консерватизма были «Беседа любителей русского слова», созданная Шишковым и Державиным,

² О влиянии Ж. де Местра на русских консерваторов см.: (Дегтярёва 2007).

журналы «Вестник Европы» (ред. Н. М. Карамзин) и «Русский вестник» (ред. С. Н. Глинка), тверской салон великой княгини Екатерины Павловны. К ним примыкали Российская академия (в целом являвшаяся опорой шишковистов), двор вдовствующей императрицы Марии Фёдоровны, фактически выполнявший функции своего рода «консервативного министерства культуры». Значительный резонанс также имела светская проповедь в столичных салонах Ж. де Местра. Консервативная идеология и практика были первоначально достоянием отдельных лиц и кружков. Тем не менее консервативное направление в целом оформилось и смогло существенно повлиять на политику самодержавной власти начиная с 20-х гг. XIX в. Будучи достаточно хорошо, а порой и блестяще знакомыми с рационалистической культурой Просвещения, довольно умело используя эти знания, представители русского консерватизма создали развитую, изощрённую в понятийном отношении систему взглядов.

Исторически первыми в конце XVIII — XIX в. возникли течения светского консерватизма³, поначалу сравнительно мало связанные с Православной Церковью, ставящие своей целью борьбу с галломанией и отстаивание устоев традиционного общества, таких как самодержавие, крепостное право, сословные привилегии и т. д. Воззрения консерваторов при этом охватывали широкий спектр общественно-значимых вопросов: о национальном образовании, о характере подлинно-самодержавной власти, об отношениях Церкви и государства, вопросах цензуры, «русском праве», самобытной национальной культуре, опирающейся, прежде всего, на определённые языковые традиции, о сословном вопросе, университетской политике, вопросах внешней политики и т. д. Консерваторы старались исключить из преподавания в русских университетах рационалистическую философию и естественное право как дисциплины, подрывающие основы самодержавной власти и православной веры, превратили идею сочетания истин веры с истинами науки в государственную политику, попутно предложив своё решение проблемы воспитания в национальном духе.

На начальном этапе большую роль в вызревании русского консерватизма сыграли языковые споры между шишковистами и карамзинистами (Альтшуллер 2007); (Минаков 2011: 362–375). Карамзинисты ориентировались в своих поисках на разговорный язык элитарных салонов, французские языковые и культурно-поведенческие модели, шишковисты же

³ О типологии русского консерватизма см.: (Минаков 2004: 267–280).

выступали за общенациональный язык, не только очищенный от иностранных слов и опирающийся на традицию, восходящую к церковнославянскому и древнерусскому литературному языку, но и тесно связанный с языком простонародья: крестьянства, купечества, духовенства, мещанства. При этом позиция Шишкова⁴ и шишковистов была отнюдь не столь архаичной и «проигрышной», как её обычно представляют. В своё время Ю. Н. Тынянов заметил, что Н. М. Карамзин, занимаясь созданием «Истории государства Российского», в известной мере выполнял языковую программу Шишкова (Дневник В. К. Кюхельбекера 1929: 4). Стиль шишковских манифестов в модифицированном виде сохранялся вплоть до 1917 г., став одним из основных средств идейно-политического воздействия монархической власти на народ.

В ходе дискуссии между шишковистами и карамзинистами консерваторы «оттачивали» аргументацию против галломании, шире — западничества. Галломания значительной части русского дворянства явилась провокативным фактором для вызревания изначальной модели русского консерватизма (Минаков 2011: 64–68). Франция, её язык и культура воспринимались в консервативно-националистическом дискурсе как воплощение «мирового зла», породившее кровавую революцию и якобинский террор. Консервативно-националистическая риторика произвела совершенно карикатурные и вызывающие отвращение и смех образы французов, знакомые нам по лубкам 1812 г. Франция и французы представляли в сознании русских консерваторов как полная антитеза России и русским. А. С. Шишков изображал Францию как некое «зачумлённое» место, страну, судьбу которой необходимо предоставить самой себе, предварительно изолировав от внешнего мира (Зорин 2011: 250–251). Одна из причин, по которой ряд консерваторов (великая княгиня Екатерина Павловна, Н. М. Карамзин, Ф. В. Ростопчин) принял самое активное участие в устранении либерального реформатора М. М. Сперанского, заключалась, наряду с прочими причинами, в том, что он воспринимался ими как центральная фигура ненавистой русским патриотам «французской партии».

Дискуссия о «старом и новом слог» привела к достаточно успешной попытке конструирования консервативно-национальной традиции не только в сфере языка. А. С. Шишков сформулировал некоторые основные аксиомы нарождавшегося русского консерватизма: недопустимость подражательства революционным и либеральным западноевропейским

⁴ О Шишкове см.: (Минаков 2011a); (Парсамов 2010).

образцам, необходимость опоры на собственные традиции (языковые, религиозные, политические, культурные, бытовые), патриотизм, включающий культивирование национального чувства и преданность самодержавной монархии (Минаков 2002а; Минаков 2002). Следует подчеркнуть, что данный вариант консервативной идеологии в первое десятилетие XIX в. носил оппозиционный характер, противостоял либеральной идеологии, характерной для Александра I и его ближайшего окружения (членов «Негласного комитета», М. М. Сперанского). Чрезвычайно показателен также был и первоначальный общественный статус А. С. Шишкова и его единомышленников — Ф. В. Ростопчина и С. Н. Глинки. В первые годы XIX столетия два первых консерватора пребывали в опале и вынуждены были сосредоточиться лишь на литературной деятельности, третий же, вплоть до начала выпуска журнала «Русский вестник» (с 1808 г.), не играл никакой существенной политической и общественной роли. Ситуация изменилась в 1807 г., когда под влиянием военных поражений в антинаполеоновских коалициях 1805 и 1806–1807 гг. русское дворянское общество захлестнула волна национализма, имевшего отчётливые консервативные «акценты».

Перед Отечественной войной общественный статус бывших оппозиционеров радикальным образом изменился — по инициативе великой княгини Екатерины Павловны, обаятельной, умной и крайне честолюбивой сестры императора Александра I, являвшейся бесспорным лидером консервативной группировки при дворе. Они заняли ряд влиятельнейших государственных постов, получили реальную возможность влиять на ключевые внутри- и внешнеполитические решения императора Александра I (Йена 2006; Минаков 2010). В кадровой политике, по сути дела, произошёл «тектонический» переворот: вопреки своим либеральным установкам, Александр I вынужден был сблизиться с «русской партией»: вторым по статусу человеком в империи стал А. С. Шишков, получивший после опалы М. М. Сперанского должность государственного секретаря и выступивший фактически главным ритором-идеологом и пропагандистом Отечественной войны, поскольку именно он был автором большинства манифестов и указов, обращённых к армии и народу. Генерал-губернатором Москвы, наделённым исключительными, фактически диктаторскими, полномочиями, был назначен Ф. В. Ростопчин. Его афиши, наряду с манифестами А. С. Шишкова, стали первым опытом массового внедрения консервативно-националистиче-

ской мифологии в сознание всех сословий второй столицы и её окрестностей. Военно-политическая роль Ф. В. Ростопчина оказалась чрезвычайно велика: именно он был главным «организатором» пожара Москвы, имевшего стратегическое значение, поскольку сожжение древней столицы объективно предопределило разгром Великой армии Наполеона (Горностаев 2005; Мещерякова 2007). Эффективным и популярным пропагандистом консервативно-националистического толка выступил С. Н. Глинка, получивший 300 тыс. рублей — гигантскую по тем временам сумму — на издание консервативно-патриотического «Русского вестника», проникнутого духом идейной галлофобии (Володина 2005: 142–170; Лупарева 2012). В годы войны на первый план выдвинулась ещё одна ключевая фигура «русской партии» — А. А. Аракчеев, проявивший себя в предвоенные и военные годы как выдающийся военный и политический организатор (Ячменихин 1997; Ячменихин 2004; Ячменихин 2005; Минаков 2013). Он «исполнял должность почти единственного секретаря государя во время Отечественной войны» и был единственным докладчиком у Александра I практически по всем вопросам: военным, дипломатическим, управлению, снабжению армии и т. п., ведя грандиозную работу, без которой невозможны были бы успешные военные действия против Наполеона. Такова же была его роль и в кампании 1813–1814 гг. (Николай Михайлович (Романов) 1912: 285).

В советской исторической литературе бытовал тезис о том, что декабристы были детьми 1812 г. и что сам декабризм явился порождением Отечественной войны. С ничуть не меньшим основанием то же самое можно сказать и о русском консерватизме. Консерваторам предоставлялась беспрецедентная возможность для озвучивания своих идей — и это было сделано в манифестах А. С. Шишкова, статьях С. Н. Глинки в «Русском вестнике» (который, в сущности, занимался пропагандой основных идей А. С. Шишкова и Ф. В. Ростопчина, которые были его покровителями и авторами «Русского вестника»), «афишах» Ф. В. Ростопчина (Минаков 2005; Минаков 2011: 174–210).

Консервативно-националистические настроения и взгляды начала XIX в. объективно оказались необходимым политическим инструментом для победы в Отечественной войне 1812 г. и преодоления галломании части дворянского высшего общества. Святейший Патриарх Московский и всея Руси Кирилл на XVI Всемирном русском народном соборе в октябре 2012 г. отмечал: «В годину наполеоновского нашествия на первое место

выдвинулась проблема защиты русской культуры, культурной идентичности на фоне глобального натиска франкоцентризма, французского языка и культурных стандартов. Не случайно именно после победы над Наполеоном произошёл бурный расцвет русской культуры, русской философской мысли, наступил “золотой век” А. Пушкина, М. Лермонтова, Н. Гоголя, А. Хомякова, И. Киреевского. Творцам русской культуры была необходима эта победа, чтобы отойти от подражания образцам Парижа и Версаля и обрести веру в силу собственного народа»⁵.

Анализ вклада основных идеологов и практиков русского консерватизма в событиях 1812 г. и сопутствующие ему годы показывает, что именно этот год стал решающим в становлении этого идейно-политического направления. Одно из течений русского консерватизма, изначально имевшее галлофобскую направленность, оказалось максимально востребованным именно в канун Отечественной войны 1812 г., причём нужда в нём была столь велика, что из «маргинального» течения оно превращается в стержневое, вытеснив те идеологические представления, которые были характерны для просвещённого абсолютизма и Александровского либерализма. Колоссальный идеологический сдвиг, который произошёл за считанные годы, может быть объясним только той исключительной ролью, которую сыграли русские консерваторы в 1812 г. в условиях национальной мобилизации. Вызвав к жизни обострённое осознание русской этничности, галломания (и, соответственно, галлофобия) дала мощь и силу русскому консерватизму. Напомним, что в этом же году была скомпрометирована и потеряла политическое влияние знаковая для правительственного либерализма первого десятилетия XIX в. фигура М. М. Сперанского. В отказе верховной власти от конституционного проекта Сперанского (1809 г.) русские консерваторы сыграли определяющую роль (Минаков 2011: 109–173).

В 1810–1820-х гг. в лоне русского консерватизма вызрела концепция самодержавия как проявления национального, самобытного русского духа. Русские консерваторы выступили категорическими противниками ограничения самодержавия. Обосновывая самодержавную форму правления, они сравнительно мало использовали аргументы религиозного характера и большей частью указывали на соответствие самодержавия

⁵ Выступление Святейшего Патриарха Кирилла на открытии XVI Всемирного русского народного собора // Сайт Patriarchia.ru. 2012. 1 октября. URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/2502163.html> (дата обращения 10.12.2021).

народному характеру и природно-климатическим условиям России. Особенность русского консерватизма заключалась в беспрекословной ориентации на верховную власть, использование её политических и административных рычагов, а не на создание собственной политической организации. Выполнение своих программных требований консерваторы переадресовывали монарху. Н. М. Карамзин, проделав длительную идейную эволюцию, практически полностью отошёл от либерализма и западничества, создав наиболее полный и разработанный консервативный проект первой четверти XIX в.: трактат «О древней и новой России», содержащий вполне зрелую концепцию самодержавия, которая была воспринята в основных чертах последующими поколениями русских консерваторов, начиная с С. С. Уварова. В отличие от А. С. Шишкова и М. Л. Магницкого, Н. М. Карамзин был терпим к масонству (несмотря на политические доносы на него, инициированные московскими розенкрейцерами) и отнюдь не был активным борцом с мистицизмом, идущим с Запада. Вероятно, здесь сказался его былой опыт либерализма, масонства и увлечения культурой Запада⁶.

Русскими консерваторами возвеличивались православная вера и Церковь, они противопоставлялись всем неправославным христианским конфессиям. При этом православие выступало прежде всего как атрибут «русскости», средство национальной самоидентификации, а не как вселенская религия. Православие в воззрениях консерваторов приобрело характер идеологии, противопоставляемой модным в то время масонству, мистицизму и экуменическим утопиям. Проблемы веры приобрели во взглядах представителей этого течения ярко выраженный политизированный характер (Кондаков 1998; Минаков 2011: 342–347), что неизбежно вело к столкновению православных консерваторов с высокопоставленными мистиками и масонами вроде министра духовных дел и народного просвещения А. Н. Голицына (Минаков 2010; Кондаков 2014; Назаренко 2014).

Существенной составляющей русского консерватизма был национализм (Минаков 2009; Минаков 2011: 376–382). А. С. Шишкова можно считать таким идеологом, кто стал одним из первых конструировать консервативно-националистическую традицию. Национализм определённо доминировал в воззрениях Ф. В. Ростопчина. Мало рассуждая

⁶ О Карамзине-консерваторе см. наиболее значительные последние публикации: (Ермашов, Ширинянц 1999); (Китаев 2005); (Минаков 2013).

о православной вере и Церкви, самодержавии, он явился одним из ярких творцов русской консервативной националистической риторики. В его произведениях слова «русский» и «русское» являлись ключевыми и наиболее часто повторяющимися. В консервативной мысли мифология «русскости» зачастую жёстко противопоставлялась всему не только французскому, но и западному. Название журнала «Руской вестникъ», издаваемого С. Н. Глинкой, было полемически заострено против названия «Вестник Европы» (первоначально его редактором был Н. М. Карамзин, который до публикации «Истории государства Российского» инерционно воспринимался многими русскими консерваторами как космополит, западник, масон, галломан, бонапартист).

Национализм ранних русских консерваторов по своим исходным интенциям был призван противостоять «чужеродным» модернизационным процессам и ставил своей целью законсервировать традиционалистское настоящее. Но, как и национализм, сопровождающий и активизирующий модернизацию, он оперировал понятием мессианского коллективного субъекта, апеллировал к определённым этническим ценностям, конструировал собственную традицию, селективно интерпретируя факты исторического прошлого. Русская история с момента возникновения русского консерватизма стала рассматриваться его идеологами как одна из основных опор консервативно-националистического самосознания. Не случайно Н. М. Карамзин и С. Н. Глинка были создателями обобщающих трудов по русской истории («История государства Российского» и «Русская история»). Примеры из идеализированной версии русского прошлого первоначально призваны были «излечить» галломанию русского дворянского общества. Благочестивые русские цари, патриархи, святые герои-избавители от Смуты XVII в. и Суворов — постоянные фигуры в создаваемом консерваторами пантеоне. Исторический опыт для консерваторов — это опыт «выживания» в периоды жестоких кризисов и апелляция к славным воинским победам. По сути дела, консерваторами начал создаваться своего рода культ светских святых, призванный преобразить русское общество в консервативно-националистическом духе. Интерпретированная таким образом русская история с тех пор стала неотъемлемым компонентом практически любой русской консервативной доктрины.

Из-за националистической составляющей русский консерватизм оказался в целом малопривлекателен для полиэтнического правящего слоя и не-

совместим с имперским универсализмом, насаждаемым абсолютистской властью, — в этом одно из объяснений, почему карьера А. С. Шишкова и Ф. В. Ростопчина резко оборвалась по окончании Отечественной войны 1812 г., когда отпала необходимость в общенациональной мобилизации. Русский консерватизм с националистической окраской использовался в прагматических целях, и власть отказалась от него, как только непосредственная опасность для неё миновала. Кроме того, национализм не мог не противоречить принципу сословности. Выходом из этого положения стала интерпретация консерваторами крепостного права как оптимальной формы существования русских в единой патриархальной семье. При этом в консервативной идеологии сохранялась необходимость естественного неравенства и иерархии, но, с другой стороны, народ не воспринимался как принципиально чуждый дворянской элите, более того, низшие сословия могли расцениваться как носители национальных нравственно-религиозных ценностей, в отличие от подвергшегося иностранному разлагающему влиянию дворянства.

Не случайно в рамках консервативно-националистического дискурса был задолго до славянофилов достаточно остро поставлен вопрос о социокультурном расколе, инициированном реформами Петра I (Минаков 2011: 383–388). Восприятие русского народа как единого иерархического целого позволяло националистам-консерваторам обращаться со своими идеями не только к образованному дворянскому обществу — через «Русский вестник», «Чтения в Беседе любителей русского слова», но и к простонародью — посредством манифестов А. С. Шишкова и афиш Ф. В. Ростопчина.

При этом консерваторы, как правило, не были сторонниками отмены крепостного права. Некоторые из них принципиально выступала против отмены крепостного права (А. С. Шишков, Ф. В. Ростопчин), мотивируя это тем, что крепостное право представляет органически сложившуюся в течение длительного времени опору самодержавной государственности и часть уклада народной жизни. Оно является, по сути дела, формой патриархальной семьи, где помещики играют роль добрых и попечительных родителей, а крестьяне, соответственно, послушных и благодарных детей. Помещики не заинтересованы в разорении крестьян, напротив, условие процветания помещиков — благополучие его крестьян.

Более сложные представления по крестьянскому вопросу имелись у консерваторов (Н. М. Карамзин, С. Н. Глинка, А. С. Стурдза), которые

прошли при становлении своих взглядов известную школу либерального мышления. Как правило, они не отрицали того, что крепостное право является социально-экономическим и моральным злом, которое в перспективе должно исчезнуть из русской жизни. Однако в конкретной ситуации александровского царствования они предлагали воздержаться от каких-либо серьёзных изменений, поскольку отмена крепостного права должна была привести к обнищанию как крестьянства, так и дворянства и в конечном счёте к социальной революции. С их точки зрения, была необходима масштабная программа просвещения крестьянства, которая явилась бы необходимым условием подготовки отмены крепостного права. Впрочем, именно эта часть их программы, реализация которой могла бы способствовать смягчению социальных противоречий и уменьшению «издержек» Великой реформы, так и не была осуществлена правительством вплоть до начала масштабных преобразований. В целом же можно констатировать, что воззрения русских консерваторов на крестьянский вопрос зачастую были более умеренными и примитивными, чем у правительственных кругов, взявших курс на подготовку отмены крепостного права путём частных мер (имеется в виду реформа государственной деревни, указ об «обязанных» крестьянах и т. д.). Вообще, в чём и преуспели русские консерваторы, так это не в позитивных программах, а в своих объяснениях, почему крестьян в настоящий момент нельзя освобождать, а также в своих оценках негативных последствий освобождения, если оно всё же произойдёт. Здесь стоит отметить уникальность нереализованного проекта отмены крепостного права, разработанного Аракчеевым по распоряжению Александра I в 1818 г. Его появление было обусловлено лишь феноменальной исполнительностью Аракчеева, которого невозможно было заподозрить в симпатиях к либерализму на всём протяжении его карьеры⁷.

Наиболее яркими и известными представителями церковного консерватизма в тот период являлись святитель Иннокентий (Смирнов), митрополит Серафим (Глаголевский), архимандрит Фотий (Спасский), инок Аникита (князь С. А. Ширинский-Шихматов). Церковный консерватизм не ограничивался рамками клира, его носителями могли быть и миряне (А. С. Шишков, М. Л. Магницкий, А. С. Стурдза, графиня А. А. Орлова-Чесменская)⁸. Для этого течения было характерно напряжённое и дра-

⁷ О взглядах консерваторов на крестьянский вопрос см.: (Минаков 2011: 392–416).

⁸ См.: (Кондаков 1998); (Минаков 2011: 267–330).

матичное противодействие западным идейно-религиозным влияниям, прежде всего просветительским идеям и масонству, деизму и атеизму. Стоит также отметить достаточно явно выраженное убеждение в особом пути России, связанном с православием, отличающим её от Запада и Востока. В отличие от старообрядчества с его ярко акцентированным антизападничеством и неприятием «петровской революции», церковный консерватизм представлял более «мягкий» вариант в этом отношении. Церковный консерватизм не мог быть тождествен учению Церкви, как оно складывалось в более ранние периоды. Это была реакция на вызов Просветительского проекта и косвенно связанных с ним явлений, таких как фактический отказ от православного характера Российской империи, произошедший после 1812 г. и продолжавшийся до 1824 г.

Для этого течения была характерна лояльность существующей монархической власти, что не исключало её резкую критику, когда, с точки зрения носителей этого направления, «попирались интересы церкви», нарушалась «чистота веры», разрушалась нравственность, возникала угроза ослабления православия в результате распространения неправославных и антиправославных учений, в частности западноевропейского мистицизма и масонства.

Отметим также, что для церковного консерватизма было характерно почти полное отсутствие интереса к экономической и национальной проблематике. Если говорить о попытках представителей этого направления влиять на жизнь светского общества, то они в основном сводились к мерам ограничительного характера в отношении неправославных и антиправославных течений, неприятию радикализма и либерализма. Ими подчёркивалась необходимость широкого распространения православного образования в качестве наиболее эффективного противовеса неправославным и антиправославным влияниям. Кроме того, церковные консерваторы считали недопустимым в тех конкретных условиях перевод Библии на русский литературный язык вместо церковнославянского, поскольку это подрывало, с их точки зрения, сакральный характер Священного Писания. Имел место и напряжённый интерес к проблемам нравственности и необходимости следовать бытовым традициям в той степени, в какой они были связаны с православием. Этническая «русскость» этим течением обычно не акцентировалась. Она скорее носила имперский, универсалистский характер, нежели националистический. Церковный консерватизм особенно ярко проявил себя в первой

половине 1820-х гг. Некоторые его представители сыграли очень значительную роль как в истории русской культуры, так и Церкви. Например, известный поэт-архаист князь С. А. Ширинский-Шихматов, ставший монахом Аникитой, сыграл большую роль в возрождении русского монашества на Афоне (Минаков 2015).

С церковным консерватизмом было достаточно тесно связано течение светского, православно-самодержавного консерватизма. Наиболее видными его представителями являлись А. С. Шишков (с 1803), М. Л. Магницкий (Минаков 2010; Минаков 2021), А. С. Стурдза (Минаков 2016). Проблемы веры приобретали во взглядах представителей этого течения ярко выраженный политизированный характер, православие в их воззрениях приобретало характер идеологии, противопоставляемой модным в то время экуменическим утопиям. Отсюда — постоянная политическая борьба представителей этого направления с высокопоставленными мистиками и масонами вроде министра духовных дел и народного просвещения А. Н. Голицына. Представители этого направления, в отличие от церковных консерваторов, выходили за пределы узко-конфессиональной проблематики. Их воззрения охватывали широкий спектр общественно-значимых вопросов: постановка вопроса о национальном образовании, о характере подлинно-самодержавной власти, об отношениях церкви и государства, вопросы цензуры, «русского права», самобытной национальной культуры, опирающейся прежде всего на определённые языковые традиции, сословном вопросе, университетской политике, вопросах внешней политики и т. д.

М. Л. Магницкий одним из первых напомнил верховной власти забытую к тому времени идею: «самодержавие вне православия есть одно насилие», то есть деспотизм. Речь шла о так называемой симфонии властей, восходящей к новеллам императора Юстиниана. Для православно-самодержавных консерваторов было свойственно категорическое неприятие конституционализма и либерализма, Просвещенческого проекта как такового. Они совершенно сознательно старались исключить из преподавания рационалистическую философию и естественное право как дисциплины, подрывающие основы самодержавной власти и православной веры.

Если мысль об особой православной культуре содержалась в воззрениях церковных консерваторов скорее имплицитно, то представители православно-самодержавного течения превратили идею сочетания истин

веры с истинами науки в государственную политику, попутно решив по-своему проблему воспитания в национальном духе (произошло это, впрочем, уже в царствование Николая I, в результате деятельности министров народного просвещения А. С. Шишкова и С. С. Уварова) (Минаков 2011: 424–442; Шевченко 2003).

Церковные консерваторы и их светские единомышленники⁹ совместно противостояли мистико-космополитическому направлению общественной мысли протестантского толка. Оно было связано с именами Александра I (на определённом этапе) и А. Н. Голицына и ассоциировалось с деятельностью Библейского общества, Священного союза, министерства духовных дел и народного просвещения, попыткой реализации социальной утопии «евангельского» или «общехристианского государства»¹⁰. Будучи официальной идеологией, оно имело поначалу либеральную окраску. Для неё тогда было характерно провозглашение равенства людей перед Богом, идея веротерпимости, уравнивания конфессий, отказ от государственного статуса православной религии, филантропия и пр. Однако со временем это направление, под влиянием политических обстоятельств (событий 1819–1821 гг., когда по Западу прокатилась революционная волна), «мутировало» в антилиберальное и антиреволюционное течение. Христианская, стабилизирующе-консервативная составляющая этой идеологии вышла на первый план, что привело к резкому ужесточению цензуры, жёстким попыткам внедрить принципы конфессионального образования в светских учебных заведениях, гонениям на либерально настроенную профессуру, ограничению университетской автономии и т. д. Впрочем, нетерпимое отношение к «православной оппозиции» и иезуитам-традиционалистам было продемонстрировано представителями этого направления и до начала «революционной волны».

Но и либеральный и консервативный варианты данного направления объективно имели антиправославную направленность, что вызвало сильнейшее сопротивление со стороны «православной оппозиции». Самодержавная власть в рамках этого направления рассматривалась не как порождение национальной истории, а как политическое оружие для воплощения в жизнь утопии надконфессиональной власти, призванной защитить Европу от распространения подрывных учений

⁹ Их союз получил в литературе название «православная оппозиция», термин ввёл в обращение историк Ю. Е. Кондаков (Кондаков 1998).

¹⁰ Термин историка Е. А. Вишленковой (Вишленкова 2002).

и революционных потрясений. Разумеется, этот вариант консервативной идеологии не мог иметь в принципе русской национальной окраски. Это был государственный космополитизм, на определённом этапе обретший достаточно ярко выраженный консервативный акцент. Именно вышеотмеченная «нетрадиционность» этого направления предопределила его быстрый политический крах и переход уже в следующее царствование, к иной идеологии. Главную роль в устранении А. Н. Голицына сыграли представители «православной оппозиции», в особенности А. А. Аракчеев, митрополит Серафим (Глаголевский) и архимандрит Фотий (Спаский), добившиеся в мае 1824 г. его отставки¹¹.

Именно система православных ценностей оказала существенное воздействие на формирование русского консерватизма, блокировав процесс рецепции иноконфессиональных консервативных западных доктрин. С 1824 г. монархическая власть более не ставила под сомнение статус православия как господствующей религии, а русский консерватизм отныне базировался исключительно на православии. Масонство оказалось под запретом вплоть до начала XX в. Определяющую роль в принятии этих решений сыграли представители церковного консерватизма.

Мы затронули основные течения в русском консерватизме первой четверти XIX в. Их взаимодействие и борьба определили идейную атмосферу того времени, дальнейшую эволюцию русского консерватизма. Разумеется, выделение этих течений условно, консервативная идеология и практика являлись достоянием отдельных лиц и кружков, были по преимуществу дисперсны, неотчётливы и аморфны, иногда трудноотличимы от других направлений общественной мысли, что было естественно на этапе становления нового идейного направления в условиях авторитарного государства.

В заключение скажем, что русские консерваторы «первой волны» были талантливыми во многих отношениях людьми, как правило, великолепно образованными и ничуть не уступающими по силе интеллекта своим либеральным и радикальным оппонентам. Русский консерватизм создавался литературно одарёнными людьми. Помимо очевидных классиков «первого ряда» — Державина, Карамзина, Крылова — подавляющее большинство создателей русского консерватизма также оставило довольно значительный след в русской литературе и культуре. В мень-

¹¹ См.: (Кондаков 2000); (Кондаков 2014); (Минаков 2010); (Минаков 2011: 267–330); (Назаренко 2014).

шей степени это можно сказать и о Ширинском-Шихматове, Шишкове, Ростопчине, Глинке. Эта православно-консервативная составляющая «золотого века» русской культуры только в наши дни открывается исследователями (например, в трудах М. Г. Альтшуллера). В значительной мере именно они формировали творческую почву «золотого века» и оказали прямое или косвенное влияние на зрелого Пушкина, Жуковского, Гоголя, Уварова, славянофилов. Невозможно представить себе развитие русской исторической науки без имён Н. М. Карамзина и С. Н. Глинки, создавших именно консервативную, православно-монархическую версию русской истории.

Политика графа С. С. Уварова в области просвещения и цензуры (фактически он явился создателем российской системы университетского и школьного образования) во многом была повторением и развитием тех идей и практик, которые развивали А. С. Стурдза, А. С. Шишков и М. Л. Магницкий.

Анализ взглядов ранних русских консерваторов показывает, что, несмотря на определённую нечёткость их представлений, существенные противоречия между отдельными их группировками, они тем не менее смогли выработать идеологическую систему, которая оказала существенное воздействие на все последующие поколения русских консерваторов. Эта система содержала все основные элементы более зрелых консервативных доктрин, отличаясь от них, пожалуй, более последовательным и органичным антилиберализмом и антидемократизмом. В воззрениях ранних русских консерваторов, к примеру, не содержится даже намёка на привнесённые славянофилами в позднейший русский консерватизм идей народной монархии со всесловным законосовещательным Земским собором, учения о «бюрократическом средостении», отделяющем царя от верноподданного народа, пристального интереса к крестьянской общине как носительнице патриархальных ценностей и т. п.

Сведения об авторе:

Минаков Аркадий Юрьевич — доктор исторических наук, профессор Воронежского государственного университета, 394000, Воронеж, Университетская пл., 1; email: minak.arkady2010@yandex.ru

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

Альтшуллер М. Беседа любителей русского слова. У истоков русского славянофильства. — М. : Новое литературное обозрение, 2007. — 448 с.

Вишленкова Е. А. Заботясь о душах подданных: религиозная политика в России первой четверти XIX века. — Саратов : Изд-во Саратовского гос. ун-та, 2002. — 439 с.

Володина Т. А. Сергей Николаевич Глинка // Против течения: исторические портреты русских консерваторов первой трети XIX столетия. — Воронеж : Воронежский гос. ун-т, 2005. — Гл. 4. — С. 142–170.

Горностаев М. В. Фёдор Васильевич Ростопчин // Против течения: исторические портреты русских консерваторов первой трети XIX столетия. — Воронеж : Воронежский гос. ун-т, 2005. — Гл. 3. — С. 113–141.

Гусев В. А. Русский консерватизм: основные направления и этапы развития. — Тверь : Тверской гос. ун-т, 2001. — 235 с.

Дегтярёва М. И. Жозеф де Местр и его русские собеседники. Опыт философской биографии и интеллектуальные связи в России. — Пермь : Астер, 2007. — 404 с.

Дневник В. К. Кюхельбекера. Материалы к истории русской литературной и общественной жизни 10–40 годов XIX века. — Л. : Прибой, 1929. — 375 с.

Ермашов Д. В., Ширинянц А. А. У истоков российского консерватизма: Н. М. Карамзин. — М. : Изд-во Московского гос. ун-та, 1999. — 239 с.

Зорин А. Кормя двуглавого орла... Литература и государственная идеология в России в последней трети XVIII — первой трети XIX века. — М. : Новое литературное обозрение, 2001. — 416 с.

Йена Д. Екатерина Павловна. Великая княжна, королева Вюртемберга. — М. : АСТ: Астрель, 2006. — 415 с.

Китаев В. А. Н. М. Карамзин // Против течения: исторические портреты русских консерваторов первой трети XIX столетия / отв. ред. А. Ю. Минаков. — Воронеж : Воронежский гос. ун-т, 2005. — С. 171–195.

Кондаков Ю. Е. Архимандрит Фотий (1792–1838) и его время. — СПб. : Рос. нац. б-ка, 2000. — 312 с.

Кондаков Ю. Е. Духовно-религиозная политика Александра I и русская православная оппозиция (1801–1825). — СПб. : Нестор, 1998. — 223 с.

Кондаков Ю. Е. Князь А. Н. Голицын: придворный, чиновник, христианин: монография. — СПб. : ЭлекСис, 2014. — 284 с.

Лупарева Н. Н. «Отечестволюбец»: общественно-политическая деятельность и взгляды Сергея Николаевича Глинки. — Воронеж : Новый взгляд, 2012. — 215 с.

Мещерякова А. О. Ф. В. Ростопчин: у основания консерватизма и национализма в России / науч. ред. А. Ю. Минаков. — Воронеж : Китеж, 2007. — 262 с.

Минаков А. Ю. «Рассуждение о старом и новом слоге российского языка» А. С. Шишкова — первый манифест русского консервативного национализма // Проблемы этнической истории Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы в новое и новейшее время: сб. науч. трудов. Вып. 1. — Воронеж : Воронежский гос. ун-т, 2002. — С. 239–253.

Минаков А. Ю. «Тверская полубогиня»: великая княгиня Екатерина Павловна — лидер консервативной национально-аристократической «партии» // Россия XXI. — 2010. — № 4. — С. 102–123.

Минаков А. Ю. А. А. Аракчеев — лидер консервативной «русской партии» в 1820-е гг. // Вестник Сургутского государственного педагогического университета. — 2013. — № 4 (25). — С. 5–17.

Минаков А. Ю. А. С. Стурдза: интеллектуальная биография православного мыслителя // Христианское чтение. — 2016. — № 1. — С. 176–194.

Минаков А. Ю. Возникновение русского консервативного национализма в первой четверти XIX в. в России // Вестник Российского государственного университета им. Иммануила Канта. Вып. 12: Сер. Гуманитарные науки. — 2009. — № 12. — С. 12–17.

Минаков А. Ю. История русского консерватизма XIX–XXI вв. — Воронеж : Изд. дом ВГУ, 2020. — 151 с.

Минаков А. Ю. Князь Александр Николаевич Голицын — представитель мистико-космополитического консерватизма в царствование Александра I // Вестник Воронежского государственного университета. Сер. Лингвистика и межкультурная коммуникация. — 2010. — № 1. — С. 186–189.

Минаков А. Ю. Князь-инок Аникита (Сергей Александрович Ширинский-Шихматов): путь из поэтов в святые // Христианское чтение. — 2015. — № 4. — С. 105–120.

Минаков А. Ю. М. Л. Магницкий. Из истории становления русского консерватизма первой четверти XIX века. — Воронеж : Изд. дом ВГУ, 2021. — 234 с.

Минаков А. Ю. Михаил Леонтьевич Магницкий // Вопросы истории. — 2010. — № 11. — С. 36–49.

Минаков А. Ю. Опыт типологии течений в раннем русском консерватизме первой четверти XIX века // Российская империя: стратегии стабилизации и опыты обновления. — Воронеж : Изд-во Воронежского гос. ун-та, 2004. — С. 267–280.

Минаков А. Ю. Предисловие // Карамзин Н. М. О любви к Отечеству и народной гордости. — М. : Ин-т русской цивилизации, 2013. — С. 5–58.

Минаков А. Ю. Предисловие // Шишков А. С. Огонь любви к Отечеству. — М. : Ин-т русской цивилизации, 2011. — С. 5–22.

Минаков А. Ю. Роль событий 1812 г. в становлении русского консерватизма // Консерватизм в России и Западной Европе. Воронеж : Изд-во Воронежского гос. ун-та, 2005. — С. 7–17.

Минаков А. Ю. Русский консерватизм в первой четверти XIX в. — Воронеж : Изд-во Воронежского гос. ун-та, 2011. — 560 с.

Минаков А. Ю. Франкобесие // Родина. — 2002. — № 8. — С. 18–19.

Минаков А. Ю., Репников А. В., Чернавский М. Ю. Консерватизм // Общественная мысль России XVIII — начала XX века : энцикл. — М. : РОССПЭН, 2005. — С. 217–220.

Назаренко Е. Ю. Князь А. Н. Голицын в общественно-политической и религиозной истории России первой половины XIX века : монография. — Воронеж : Изд. дом ВГУ, 2014. — 188 с.

Николай Михайлович (Романов). Император Александр I. СПб. : Экспедиция заготовления государственных бумаг, 1912. — Т. 1. — 636 с.

Парсамов В. С. Александр Семёнович Шишков // Шишков А. С. Избранные труды. — М. : РОССПЭН, 2010. — С. 5–68.

Репников А. В. Консервативные модели российской государственности. — М. : РОССПЭН, 2014. — 527 с.

Русский консерватизм середины XVIII — начала XX века : энцикл. / под ред. В. В. Шелохаева. — М. : РОССПЭН, 2010. — 639 с.

Шевченко М. М. Конец одного Величия. Власть, образование и печатное слово в Императорской России на пороге Освободительных реформ. — М. : Три квадрата, 2003. — 256 с.

Ширинянц А. А. «Консерватор»: слово и смыслы в русской социально-политической мысли // Вестник Московского университета. Сер. 12: Политические науки. — 2015. — № 6. — С. 112–124.

Ячменихин К. М. «Аракчеевщина»: историографические мифы // Консерватизм в России и мире. Ч. 1. — Воронеж : Воронежский гос. ун-т, 2004. — С. 117–128.

Ячменихин К. М. А. А. Аракчеев // Против течения: исторические портреты русских консерваторов первой трети XIX столетия /

отв. ред. А. Ю. Минаков. — Воронеж : Воронежский гос. ун-т, 2005. — С. 196–217.

Ячменихин К. М. Алексей Андреевич Аракчеев // Российские консерваторы. — М. : Информ.-изд. агентство «Русский мир», 1997. — С. 17–62.

Russian Conservatism in the First Quarter of the 19th Century

A. Yu. Minakov

VORONEZH STATE UNIVERSITY, VORONEZH, RUSSIA

Abstract. The article examines the features of the Russian conservatism in the period of its emergence in the first quarter of the 19th century. The specific character of the Russian conservatism lay in the fact that it had been conceived as a reaction to the radical westernization. The manifestations and main symbols of this process in the 17th — early 19th centuries included the reforms of Peter The Great and the extreme (for the time) liberalism of Alexander I, which had provoked the opposition on the part of the conservative-minded nobility. The project of constitutional reforms associated with in the name of M. M. Speransky was of particular importance. The list also included Gallomania, the form of Westernism among the Russian nobility; Napoleonic aggression against the Russian Empire, the Treaty of Tilsit 1807 and the Patriotic War of 1812, as well as an attempt to create a so-called “all-Christian state” in the spirit of the declarations of the Holy Alliance, which from 1817 to 1824 had actually served to deprive the Orthodox Church of the dominant status. Not without reason, Russian conservatives perceived these phenomena and events as a threat that might lead to the destruction of all the fundamental foundations of the traditional society: autocratic power, the Orthodox Church and religion, the Russian language, national traditions, class society boundaries, patriarchal life, etc. The unprecedented nature of the challenge generated a conservative response designed to protect the fundamental traditional values. The main axioms of the emerging Russian conservatism were formulated as a result of conflicts with representatives of the Russian liberal Westernism. These deemed the imitation of revolutionary and

liberal Western European models inadmissible, and proclaimed the need to rely on one's own traditions (linguistic, religious, political, cultural, domestic) and such values as patriotism, including the cultivation of national feelings and devotion to the autocratic monarchy. Having blocked the constitutional project by M. M. Speransky, conservatives played a huge role as ideologists and military statesmen in the events of 1812–1814, had a significant impact on the formation of the university education system, and actually achieved the rejection of the ecumenical experiment in 1824, which would de facto deprive the Orthodox Church of its dominant status. During the struggle of the “Orthodox opposition” against Western European mysticism and Freemasonry, the system of Orthodox values had a significant impact on the formation of the Russian conservatism. The greatest role in the formation and development of the Russian conservatism in the first quarter of the 19th century was played by such figures as A. S. Shishkov, F. V. Rostopchin, Grand Duchess Ekaterina Pavlovna, A. A. Arakcheev, M. L. Magnitsky, A. S. Sturdza and Archimandrite Photius (Spassky). The central figure of the Russian conservatism was N. M. Karamzin.

Keywords: Russian Conservatism, Gallomania, Nationalism, the Role of Conservatives in the Events of 1812–1814, the Struggle of the “Orthodox Opposition” against Mysticism and Freemasonry.

For citation: Minakov, A. Yu. (2021). Russian Conservatism in the First Quarter of the 19th Century. *Orthodoxia*, (3), 14–41. DOI: 10.53822/2712-9276-2021-3-14-41

About the author:

Arkady Yurievich Minakov — Doctor of Historical Sciences, Professor of Voronezh State University, 1, Universitetskaya sq., Voronezh, 394000; email: minak.arkady2010@yandex.ru

REFERENCES:

Altshuller, M. (2007). *Beseda liubitelei russkogo slova. U istokov russkogo slavianofil'stva* [Conversation of Lovers of the Russian Word. At the Origins of Russian Slavophilism]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie. [In Russian].

Degtyareva, M. I. (2007). Zhozef de Mestr i ego russkie sobesedniki. Opyt filosofskoi biografii i intellektual'nye svyazi v Rossii [Joseph de Maistre and His Russian Interlocutors. The Experience of Philosophical Biography and Intellectual Connections in Russia]. Perm: Aster. [In Russian].

Dnevnik V. K. Kiukhel'bekera. Materialy k istorii russkoi literaturnoi i obshchestvennoi zhizni 10–40 godov XIX veka [Diary of V. K. Kuchelbecker. Materials for the History of Russian Literary and Social Life of the 10–40 Years of the XIX Century]. (1929). Leningrad: Priboi. [In Russian].

Ermashov, D. V., Shirinyants, A. A. (1999). U istokov rossiiskogo konservatizma: N. M. Karamzin [At the Origins of Russian Conservatism: N. M. Karamzin]. Moscow: Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta. [In Russian].

Gornostaev, M. V. (2005). Fedor Vasil'evich Rostopchin [Fedor Vasilyevich Rostopchin]. In *Protiv techeniia: istoricheskie portrety russkikh konservatorov pervoi treti XIX stoletii* (chapter 3, pp. 113–141). Voronezh: Voronezhskiy gosudarstvennyi universitet. [In Russian].

Gusev, V. A. (2001). *Russkii konservatizm: osnovnye napravleniia i etapy razvitiia* [Russian Conservatism: the Main Directions and Stages of Development]. Tver: Tverskoi gosudarstvennyi universitet. [In Russian].

Jena, D. (2006). *Ekaterina Pavlovna. Velikaia kniazhna, koroleva Viurtemberga* [Grand Duchess, Queen of Württemberg]. Moscow: AST. [In Russian].

Kitaev, V. A. (2005). N. M. Karamzin [N. M. Karamzin]. In *Protiv techeniia: istoricheskie portrety russkikh konservatorov pervoi treti XIX stoletii* (pp. 171–195). Voronezh: Voronezhskii gosudarstvennyi universitet. [In Russian].

Kniaz' Aleksandr Nikolaevich Golitsyn — predstavitel' mistiko-kosmopoliticheskogo konservatizma v tsarstvovanie Aleksandra I [Prince Alexander Nikolaevich Golitsyn — a Representative of Mystical and Cosmopolitan Conservatism in the Reign of Alexander I]. (2010). *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. Lingvistika i mezhkul'turnaia kommunikatsiia*, (1), 186–189. [In Russian].

Kondakov, Yu. E. (1998). *Dukhovno-religioznaia politika Aleksandra I i russkaia pravoslavnaia oppozitsiia (1801–1825)* [The Spiritual and Religious Policy of Alexander I and the Russian Orthodox Opposition (1801–1825)]. St. Petersburg: Nestor. [In Russian].

Kondakov, Yu. E. (2000). *Arkhimandrit Foty (1792–1838) i ego vremia* [Archimandrite Photius (1792–1838) and His Time]. St. Petersburg: Rossiiskaia natsional'naia biblioteka. [In Russian].

Kondakov, Yu. E. (2014). *Kniaz' A. N. Golitsyn: pridvornyi, chinovnik, khristianin: monografiia* [Prince A. N. Golitsyn: Courtier, Official, Christian: Monograph]. St. Petersburg: ElekSis. [In Russian].

Lupareva, N. N. (2012). “*Otechestvoliubets*”: *obshchestvenno-politicheskaia deiatel'nost' i vzgliady Sergeia Nikolaevicha Glinki* [“Fatherland Lover”: Socio-Political Activity and Views of Sergei Nikolaevich Glinka]. Voronezh: Novyi vzgliad. [In Russian].

Meshcheryakova, A. O. (2007). *F. V. Rostopchin: u osnovanii konservatizma i natsionalizma v Rossii* [F. V. Rostopchin: at the Foundation of Conservatism and Nationalism in Russia]. Voronezh: Kitezh. [In Russian].

Minakov, A. Y. (2016). A. S. Sturdza: intellektual'naia biografiia pravoslavnogo myslitel'ia [A. S. Sturdza: Intellectual Biography of an Orthodox Thinker]. *Khristianskoe chtenie*, (1), 176–194. [In Russian].

Minakov, A. Y. (2020). *Istoriia russkogo konservatizma XIX–XXI vv.* [History of Russian Conservatism of the XIX–XXI Centuries]. Voronezh: Izdatel'skii dom VGU. [In Russian].

Minakov, A. Y. (2021). *M. L. Magnitskii. Iz istorii stanovleniia russkogo konservatizma pervoi chetverti XIX veka*. [M. L. Magnitsky. From the History of the Formation of Russian Conservatism in the First Quarter of the XIX Century]. Voronezh: Izdatel'sky dom VGU. [In Russian].

Minakov, A. Yu. (2010). Mikhail Leontievich Magnitsky [Mikhail Leontievich Magnitsky]. *Voprosy istorii*, (11), 36–49. [In Russian].

Minakov, A. Yu. (2002). Frankobesie [Frankobesie]. *Rodina*, (8), 18–19. [In Russian].

Minakov, A. Yu. (2002^a). “Rassuzhdenie o starom i novom sloge rossiiskogo iazyka” A. S. Shishkova — pervyi manifest russkogo konservativnogo natsionalizma [“Reasoning about the Old and New Syllable of the Russian Language” A. S. Shishkov — the First Manifesto of Russian Conservative Nationalism]. In *Problemy etnicheskoi istorii Tsentral'noi, Vostochnoi i Iugo-Vostochnoi Evropy v novoe i noveishee vremia: Sb. nauchn. trudov. Vyp. 1* (pp. 239–253). Voronezh: Voronezhskiy gosudarstvennyi universitet. [In Russian].

Minakov, A. Yu. (2004). Opyt tipologii techenii v rannem russkom konservatizme pervoi chetverti XIX veka [Experience of Typology of Trends in Early Russian Conservatism of the First Quarter of the XIX Century]. In *Rossiiskaia imperiia: strategii stabilizatsii i opyty obnovleniia* (pp. 267–280). Voronezh: Izdatel'stvo Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. [In Russian].

Minakov, A. Yu. (2005). Rol' sobyty 1812 g. v stanovlenii russkogo konservatizma [The Role of the Events of 1812 in the Formation of Russian Conservatism]. In *Konservatizm v Rossii i Zapadnoi Evrope* (pp. 7–17). Voronezh: Izdatel'stvo Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. [In Russian].

Minakov, A. Yu. (2009). Vozniknovenie russkogo konservativnogo natsionalizma v pervoi chetverti XIX v. v Rossii [The Emergence of Russian

Conservative Nationalism in the First Quarter of the XIX Century in Russia]. *Vestnik Rossiiskogo gosudarstvennogo universiteta im. Immanuila Kanta*. Vyp. 12: Ser. Gumanitarnye nauki, (12), 12–17. [In Russian].

Minakov, A. Yu. (2010). “Tverskaia poluboginia”: velikaia kniaginia Ekaterina Pavlovna — lider konservativnoi natsional’no-aristokraticeskoi “partii” [“Tver Demigoddess”: Grand Duchess Ekaterina Pavlovna — Leader of the Conservative National-Aristocratic “Party”]. *Rossii XXI*, (4), 102–123. [In Russian].

Minakov, A. Yu. (2011). Russky konservatizm v pervoi chetverti XIX v. [Russian Conservatism in the First Quarter of the XIX Century]. Voronezh: Izd-vo Voronezh. gos. un-ta. [In Russian].

Minakov, A. Yu. (2011^a). Predislovie [Preface]. In Shishkov A. S. *Ogon’ liubvi k Otechestvu* (pp. 5–22). Moscow: Institut russkoi tsivilizatsii. [In Russian].

Minakov, A. Yu. (2013). A. A. Arakcheev — lider konservativnoi “russkoi partii” v 1820-e gg. [A. A. Arakcheev — Leader of the Conservative “Russian Party” in the 1820s]. *Vestnik Surgutskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*, (25), 5–17. [In Russian].

Minakov, A. Yu. (2013). Predislovie [Preface]. In Karamzin N. M. *O liubvi k Otechestvu i narodnoi gordosti* (pp. 5–58). Moscow: Institut russkoi tsivilizatsii. [In Russian].

Minakov, A. Yu. (2015). Kniaz’-inok Anikita (Sergei Aleksandrovich Shirinskii-Shikhmatov): put’ iz poetov v sviatye [Prince-Monk Anikita (Sergey Aleksandrovich Shirinsky-Shikhmatov): the Path from Poets to Saints]. *Khristianskoe chtenie*, (4), 105–120. [In Russian].

Minakov, A. Yu., Repnikov, A. V., Chernavsky, M. Yu. (2005). Konservatizm [Conservatism]. In *Obshchestvennaia mysl’ Rossii XVIII — nachala XX veka: Entsiklopediia* (pp. 217–220). Moscow: ROSSPEN. [In Russian].

Nazarenko, E. Yu. (2014). *Kniaz’ A. N. Golitsyn v obshchestvenno-politicheskoi i religioznoi istorii Rossii pervoi poloviny XIX veka: monografiia* [Prince A. N. Golitsyn in the Socio-Political and Religious History of Russia in the First Half of the XIX Century: Monograph]. Voronezh: Izdatel’sky dom VGU. [In Russian].

Nikolai Mikhailovich (Romanov). (1912). *Imperator Aleksandr I* [Emperor Alexander I] (Vol. 1). St. Petersburg: Ekspeditsiia zagotovleniia gosudarstvennykh bumag. [In Russian].

Parsamov, V. S. (2010). Alexander Semyonovich Shishkov [Alexander Semyonovich Shishkov]. In Shishkov A. S. *Izbrannye Trudy* (pp. 5–68). Moscow: ROSSPEN. [In Russian].

Repnikov, A. V. (2014). *Konservativnye modeli rossiiskoi gosudarstvennosti* [Conservative Models of Russian Statehood]. Moscow: ROSSPEN. [In Russian].

Russkii konservatizm serediny XVIII — nachala XX veka: entsiklopediia [Russian Conservatism of the Middle of the XVIII — Early XX Century: Encyclopedia]. (2010). Moscow: ROSSPEN. [In Russian].

Shevchenko, M. M. (2003). *Konets odnogo Velichii. Vlast', obrazovanie i pechatnoe slovo v Imperatorskoi Rossii na poroge Osvoboditel'nykh reform* [The End of One Greatness. Power, Education and the Printed Word in Imperial Russia on the Threshold of Liberation Reforms]. Moscow: Tri kvadrata. [In Russian].

Shirinyants, A. A. (2015). "Konservator": slovo i smysly v russkoi sotsial'no-politicheskoi mysli ["Conservative": Word and Meanings in Russian Socio-Political Thought]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. 12: Politicheskie nauki*, (6), pp. 112–124. [In Russian].

Vishlenkova, E. A. (2002). *Zabotias' o dushakh poddannyykh: religioznaia politika v Rossii pervoi chetverti XIX veka* [Taking Care of the Souls of Subjects: Religious Policy in Russia in the First Quarter of the XIX Century]. Saratov: Izd-vo Sarat. un-ta. [In Russian].

Volodina, T. A. (2005). Sergei Nikolaevich Glinka [Sergey Nikolaevich Glinka]. In *Protiv techeniia: istoricheskie portrety russkikh konservatorov pervoi treti XIX stoletii* (chapter 4, pp. 142–170). Voronezh: Voronezhskiy gosudarstvennyi universitet. [In Russian].

Yachmenikhin, K. M. (1997). Alexey Andreevich Arakcheev [Alexey Andreevich Arakcheev]. In *Rossiiskie konservatory* (pp. 17–62). Moscow: Informatsionno-izdatel'skoe agentstvo "Russkii mir". [In Russian].

Yachmenikhin, K. M. (2004). "Arakcheevshchina": istoriograficheskie mify ["Arakcheevshchina": Historiographical Myths]. In *Konservatizm v Rossii i mire. Ch. 1.* (pp. 117–128). Voronezh: Voronezhskii gosudarstvennyi universitet, 2004. [In Russian].

Yachmenikhin, K. M. (2005). A. A. Arakcheev [A. A. Arakcheev]. In *Protiv techeniia: istoricheskie portrety russkikh konservatorov pervoi treti XIX stoletii* (pp. 196–217). Voronezh: Voronezhskii gosudarstvennyi universitet. [In Russian].

Zorin, A. (2001). *Kormia dvuglavogo orla... Literatura i gosudarstvennaia ideologiia v Rossii v poslednei treti XVIII — pervoi treti XIX veka* [Feeding the Double — Headed Eagle... Literature and State Ideology in Russia in the Last Third of the XVIII-First Third of the XIX Century]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie. [In Russian].